

Эрих Фромм (1900–1980)

МАРКSOBA КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

1961, пер. Э. М. Телятниковой, [ССЫЛКА](#)

I. Маркс и фальсификация его мыслей

Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером такого рода служит то, что делается в последние десятилетия с учением К. Маркса. В прессе, литературе и речах политических деятелей, а также в книгах и статьях известных философов и социологов постоянно упоминается Маркс и марксизм. Создается впечатление, что ни политики, ни журналисты ни разу не прочли ни единой Марксовой строчки, а социологи и обществоведы привыкли довольствоваться минимальными знаниями текстов Маркса. И при этом они явно чувствуют себя совершенно уверенно, ибо никто из влиятельных в этой области людей не высказывает недоумения по поводу их сомнительных, невежественных заявлений [1].

Самым распространенным заблуждением является идея о так называемом «материализме» Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной выгоде, к удобствам, к максимальному благосостоянию, «обеспеченности» своей жизни и жизни своей семьи. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый «бездушный» человек. Одновременно Марксова критика религии отождествляется с отрицанием всех духовных ценностей (ибо духовность трактуется этими интерпретаторами исключительно как вера в Бога).

Исходя из вышеприведенных представлений, социалистический рай Маркса преподносится нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всемогущей государственной бюрократии; как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство; это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов, управляемых маленькой, материально более обеспеченной элитой.

Следует отметить сразу, что это расхожее представление о Марксовом «материализме» совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми. Философия Маркса на нерелигиозном языке обозначала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление индивидуализма, то есть той цели, которой руководствовались все западное общественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в.

Это заявление, вероятно, шокирует многих читателей. Но прежде чем перейти к доказательствам, я хочу еще раз подчеркнуть, в чем состоит ирония истории: она состоит в том, что обычное описание Марксовых целей и его представлений о социализме как две капли воды совпадает с описанием современного западного капиталистического общества, где поведение большинства людей мотивировано материальной выгодой, комфортом и установкой на потребление. Рост потребительских appetитов этого общества безграничен, он сдерживается только чувством безопасности и стремлением избежать риска. Люди достигли здесь той степени конформизма, которая в значительной мере нивелирует индивидуальность. Они превратились, как сказал бы Маркс, в беспомощный «человеческий товар» на службе у сильных и самостоятельных машин. Фактическая картина капитализма середины XX в. совпадает с той карикатурой на Марксов социализм, каким его изображают его противники.

Еще удивительнее то, что люди, обвиняющие Маркса в «материализме», критикуют социализм за «нереалистичность» в том смысле, что он не признает материальную выгоду единственным стимулом человека к труду.

Я попытаюсь доказать, что подобная трактовка Маркса ошибочна:

1. марксова теория не содержит утверждения, что главным мотивом человеческой деятельности служит материальная выгода;
2. истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономического принуждения с тем, чтобы он мог — и это главное — развиваться как человек (формировать себя как гармоничную личность). То есть главная забота Маркса — освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми;
3. философия Маркса — это скорее духовный экзистенциализм (излагаемый секуляризованным языком), и именно ввиду своей духовной сущности он не соответствует, а противостоит материалистической практике и материалистической философии нашего века.

Как это стало возможным, что философия Маркса оказалась искажена до неузнаваемости, превратившись в полную свою противоположность?

Для этого есть несколько причин. Первая из них — чистое невежество. Дело в том, что материализм не изучается в университетах, не подвергается ни анализу, ни критике. Поэтому многие, вероятно, полагают, что им дано полное право говорить об этом все, что взбредет в голову. Каждый считает себя вправе судить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы какого-то минимума, необходимого, чтобы разобраться в сложной системе его мыслей и идей. Кстати, одна из главных работ Маркса по проблеме отчуждения и эмансипации человека («Экономическо-философские рукописи 1844 года») вплоть до 1959 г. вообще была неизвестна англоязычной публике.

Вторая причина состоит в том, что советские коммунисты узурпировали марксизм и попытались убедить мир, что они в своей теории и практике являются последователями Маркса. И хотя на деле все обстоит как раз наоборот, Запад согласился с их пропагандистским тезисом о соответствии советской теории и практики идеям Маркса. Но не только советские коммунисты виноваты в фальсификации Маркса. Мысль о том, что Маркс отстаивал идеи экономико-гедонистического материализма, разделяется многими антикоммунистами и реформ-социалистами. Причины этому отыскать нетрудно.

Хотя теория Маркса представляет собой критику капитализма, многие ее сторонники сами так сильно пропитаны капиталистическим духом, что наполняют логику рассуждений Маркса экономическими и материалистическими воззрениями, бытующими в современном капитализме.

Советские коммунисты и реформ-социалисты действительно считают себя врагами капитализма; но сами они понимают коммунизм (или социализм) именно в духе капитализма. Для них социализм — это не общество, коренным образом отличное от капитализма (с точки зрения подхода к проблеме человека), а скорее некая форма капитализма, в которой на вершине социальной лестницы оказался рабочий класс; для них социализм — это, по ироническому выражению Энгельса, «современное общество, но без его недостатков».

Я назвал логические, рациональные причины искажений Маркса. Однако существуют еще причины иррационального характера. На протяжении многих лет Советский Союз считается абсолютным воплощением всякого зла, поэтому его идеи носят отпечаток дьявольщины. Подобно тому как в 1917 г. слова «кайзер» и «гунны» стали воплощением мирового зла (а все немецкое,

включая музыку Моцарта, попало в этот чертов круг), сегодня это место заняли советские коммунисты, и поэтому никто не в состоянии изучать их доктрину объективно.

Причиной такой ненависти обычно называют террор эпохи сталинизма. Однако есть серьезные основания усомниться в искренности подобных объяснений: ведь аналогичные террористические акции и бесчеловечность французов в Алжире, Трухильо в Сан-Доминго, Франко в Испании и т. д. не вызвали к жизни такого же морального остракизма. Кроме того, смена сталинской системы террора хрущевским реакционно-политическим государством мало отразилась на отношении Запада...

Все это дает нам основание задуматься, а не коренятся ли антисоветские настроения в морально-гуманистических чувствах, в ощущении того, что система, которая не знает частной собственности на средства производства, непременно бесчеловечна и опасна.

Трудно сказать, какой из вышеназванных факторов несет максимальную ответственность за искажение марксистской философии. Возможно, в какое-то время один — больше, другой — меньше, а может быть, вся их совокупность...

II. Исторический материализм Маркса

Чтобы правильно понять философию Маркса, нужно сперва очистить от искажений такие ее понятия, как материализм и исторический материализм. Если кто-то думает, что материализм утверждает в качестве главного мотива человеческой деятельности материальные интересы и стремление к постоянному росту личного благосостояния, он упускает из виду тот простой факт, что слова «материализм» и «идеализм» у Маркса и других философов указывают не на психологическую мотивацию поведения... На философском языке слово «материализм» (или «натурализм») обозначает направление философии, которое полагает, что в основе мира лежит движущая материя. Досократики были материалистами в этом и только в этом смысле, а не в смысле ценностных суждений или этических принципов. С точки зрения «идеализма» мироздание определяется бестелесными сущностями или идеями, и впервые словом «идеализм» была названа платоновская философская система. Маркс — с этой точки зрения — является представителем материалистической онтологии, но вопросы онтологии его по большому счету не интересовали и он ими почти не занимался. В философии существуют множество видов и форм материализма и идеализма, и чтобы разобраться в материализме Маркса, надо вспомнить, что он однозначно выступал против того философского материализма, который отстаивали многие прогрессивные мыслители его времени (особенно естествоиспытатели). Это был материализм, который считал, что материальный субстрат лежит в основе не только материальных процессов, но также психических и духовных явлений.

Они самым вульгарным образом представляли, будто идеи и чувства суть результат химических процессов в организме, и что мысль по отношению к мозгу представляет собой то же самое, что моча по отношению к почкам. Маркс боролся с этим механическим «буржуазным», «абстрактно-научным материализмом», который исключал из своей философии рассмотрение общественно-исторического процесса; напротив, Маркс утверждал то, что называл в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» «натурализмом» и «гуманизмом», который отличался как от материализма, так и от идеализма, одновременно включая их в себя.

На самом деле Маркс никогда не употреблял таких понятий, как «исторический» или «диалектический материализм», а говорил о своем собственном диалектическом методе, в противоположность гегелевскому, и о «материалистическом базисе», под которым подразумевал фундаментальные условия человеческого существования.

«В прямую противоположность немецкой философии, — писал Маркс, — спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, — чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительно жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» [2].

После критики спекулятивной, перевернутой философии Гегеля Маркс четко формулирует свою позицию в отношении истории общества:

«Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [3].

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс четко проводит грань между историческим материализмом и современным ему материализмом.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [4].

В отличие от Гегеля, Маркс исследует человека и историю; при этом он исходит не из идей, а из действительного (реального) человека и экономических и социальных условий его жизни. Таким образом, Маркс в равной мере далек как от буржуазного материализма, так и от гегелевского идеализма, что дает ему право сказать, что его философия не является ни материализмом, ни идеализмом, а представляет собой синтез натурализма и гуманизма.

Теперь можно выяснить, в чем ошибка широко распространенного представления о сущности исторического материализма. Ходячее представление утверждает, что, по мнению Маркса, самым сильным психологическим мотивом человека является жажда денег и материальных благ; если это главная движущая сила человека, то — рассуждает далее «интерпретатор» исторического материализма — ключ к пониманию истории находится в материальных стремлениях человека; отсюда ключ к объяснению истории — в человеческом желудке и его стремлении к удовлетворению материальных потребностей. Важнейшая ошибка, на которой строится эта интерпретация, состоит в допущении, что исторический материализм — это психологическая теория, которую занимают человеческие страсти и страдания. На самом деле он не является психологической теорией; он утверждает только то, что способ, каким человек производит, определяет и его мышление, и его желания, а не то, что главным мотивом человеческой деятельности служит желание максимальной материальной выгоды.

Это значит, что экономика определяется не тем или иным душевным порывом, а способом производства; не субъективными «психологическими», а объективными «экономико-социологическими» факторами.

Единственная квазипсихологическая предпосылка этой теории состоит в указании на то, что человек нуждается в пище и крове, и потому должен заниматься производством этих средств

жизни. Естественно, способ производства средств жизни, который зависит от целого ряда объективных факторов, выдвигается на первый план и определяет все прочие сферы человеческой деятельности.

Объективные условия, которыми определяется способ производства, а тем самым социальная организация, детерминируют также и самого человека: его цели и его интересы. Сама мысль о том, что «человека формируют обстоятельства», не нова, она принадлежит Монтескье; новым у Маркса оказался детальный анализ обстоятельств, которые уходят корнями в способ производства и лежащие в его основе производительные силы.

Конкретные экономические условия, имеющие место при капитализме, производят и такой важнейший побудительный момент, как жажду денег и собственности; а другие экономические условия могут вызвать к жизни прямо противоположные стремления; например, аскетизм и презрение к земным благам, которые мы наблюдаем во многих восточных культурах, а также на самой ранней стадии развития капитализма [5].

По Марксу, стремление к деньгам и собственности обусловлено экономически — точно так же, как и диаметрально противоположные ему стремления.

Марксово «материалистическое», или «экономическое», понимание истории не имеет ничего общего с известным утверждением, что «материалистические», или «экономические», мотивы являются главной движущей силой человека (его страстью). Оно состоит в том, что действительным субъектом истории, автором ее законов выступает реальный целостный человек, «реальные, живые индивиды», а не выдвигаемые ими идеи.

Чтобы избежать двусмысленности терминов «материалистический» и «экономический», было бы уместно назвать Марксово понимание истории антропологической интерпретацией истории. Ибо это понимание основывается на том факте, что творцами и актерами исторической драмы являются сами люди [6].

Действительно, самое главное различие между Марксом и большинством авторов XVIII и XIX вв. состоит в том, что он не считает капитализм результатом естественного развития человеческой природы, а мотивы человека капиталистического общества — универсальными мотивами человека вообще.

Приписывание Марксу взгляда, будто глубинным мотивом человека выступает стремление к максимальной выгоде, выглядит тем более абсурдным, когда оказывается, что у Маркса были вполне прямые и недвусмысленные высказывания о человеческих стремлениях. Он различал постоянные, «устойчивые потребности», которые сохраняются при любых обстоятельствах и могут лишь слегка менять форму и направление под влиянием социальных условий, и «относительные потребности», обязанные своим происхождением вполне определенному типу социальной организации и только. Маркс исходил из того, что потребности в пище, питье и продолжении рода относятся к числу естественных, «устойчивых» потребностей, но ему никогда не приходило в голову считать постоянной потребностью человека стремление к максимальной экономической выгоде [7].

Вряд ли нужно еще доказывать, что эта популярная трактовка Марксова материализма глубоко ошибочна. Вся его критика капитализма исходит из того, что капитализм сделал интересы капитала и материальной выгоды главными мотивами человека; вся его концепция социализма основана на том, что социализм — это общество, в котором материальные интересы перестают быть основными интересами человека.

Это станет еще более очевидным в дальнейшем, когда мы будем детально обсуждать Марксово понимание человеческой свободы и независимости.

Как я уже говорил, Маркс начинает с идеи о том, что человек — сам творец своей истории.

«Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни... свою материальную жизнь» [8].

Очень важно уяснить эту фундаментальную мысль Маркса. Человек сам делает свою историю, он ее творец. Много лет спустя в «Капитале» мы читаем: «...не легче ли было бы написать ее (историю. — Ред.), так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами?» [9]

Человек творит себя сам в процессе производства. Важнейший фактор в этом процессе самопроизводства человеческого рода находится в его отношении к природе. В начале истории человек слепо подчиняется природе, он к ней прикован. Постепенно, по мере эволюции, он меняет свое отношение к природе и тем самым себя самого.

В «Капитале» Маркс говорит об этой зависимости человека от природы еще больше:

«Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой... Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития» [10].

Здесь Маркс называет важнейший элемент, который играет центральную роль в его теории: труд представляет собой некий фактор, помещенный между человеком и природой; труд — это стремление человека отрегулировать свои отношения с природой. Будучи выражением человеческой жизни, труд изменяет отношение человека к природе, а отсюда и человек изменяется в труде, посредством труда.

Этот раздел я хочу закончить цитатой из работы 1859 г., в которой содержится полная формулировка понятия исторического материализма:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до

сих пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [11].

Мне представляется необходимым подчеркнуть и развернуть некоторые специфические понятия этой теории. Сначала уточним, как Маркс смотрел на историческое развитие. Развитие происходит в результате противоречий между производительными силами (и другими объективными условиями) и существующей социальной системой. Если способ производства или социальная организация скорее препятствует, нежели способствует развитию существующих производительных сил, то общество перед угрозой упадка выбирает себе такой способ производства, который соответствует новым производительным силам и способствует их развитию.

Вся история человека отмечена его борьбой с природой. В какой-то момент (Маркс говорит, что этот момент близок) человек в такой мере разовьет природные источники производства, что антагонизм между человеком и природой наконец будет устранен. В этот момент предыстория человечества закончится и начнется подлинно человеческая история.

III. Проблема сознания, социальной структуры и насилия

В процитированном отрывке поднята чрезвычайно важная проблема: проблема человеческого сознания. Главный тезис: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Более полное изложение проблемы сознания Маркс дает в «Немецкой идеологии»:

«Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из

жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они есть в действительности, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях. Производство идеи, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то и это явление точно так же происходит из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза происходит из непосредственно физического процесса их жизни» [12].

Прежде всего следует заметить, что Маркс, как и Спиноза, а позднее Фрейд, считал, что большая часть осознанных идеологических мыслей является «ложным» сознанием, идеологией и рационализацией, а подлинные глубинные мотивы поведения человеком не признаются. По Фрейду, они коренятся в сексуальных влечениях, по Марксу — в организации самой социальной системы, которая направляет сознание человека в определенное русло, тогда как целый ряд фактов и явлений остается за пределами сознания [13].

Я хочу подчеркнуть, что эта теория вовсе не утверждает, будто идеи или идеалы не обладают реальностью и действительной силой. Маркс говорит о сознании, а не об идеалах. Именно слепота осознанного (сознательного) мышления человека мешает ему понять свои подлинные потребности и коренящиеся в них идеалы. Только тогда, когда ложное сознание превратится в истинное сознание, то есть только тогда, когда мы поймем, осознаем реальность, вместо того чтобы исказить ее путем фикций и рационализаций, мы сможем осознать наши действительные и истинно человеческие потребности. Следует заметить, что для Маркса сама наука и все живущие в человеке способности являются частью производительных сил, которые находятся во взаимодействии с силами природы. Маркс вовсе не закрывал глаза на большую роль идей в человеческом развитии, как это ему приписывают популяризаторы его учения. Маркс выступал не против идей вообще, а лишь против идей, которые не берут свое начало в социальной реальности и которые, по выражению Гегеля, означают «лишь реальную возможность».

Прежде всего он никогда не забывал, что не только обстоятельства творят человека, но и человек творит обстоятельства. Я приведу цитату, категорически опровергающую мнение всех тех интерпретаторов марксизма, которые заявляют, будто Маркс (как и многие философы-просветители, а также многие социологи современности) отводил человеку в историческом процессе пассивную роль или считал его пассивным объектом, обусловленным обстоятельствами.

Маркс писал:

«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта

Оуэна). Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [14].

Понятие «революционной практики» подводит нас к одному многотрудному и широко оспариваемому понятию марксистской философии, — понятию «насилия».

Характерно, что западные демократии негодуют по поводу теории, утверждающей, что общественный строй можно сменить путем насильственного захвата политической власти. Но ведь мысль о политической революции, совершаемой с помощью насилия, родилась вовсе не в марксизме; это идея, которой решительным образом руководствовалось именно буржуазное общество на протяжении последних трех столетий. Западная демократия — наследница великой английской, французской и американской революций; русская революция февраля 1917 г. и немецкая революция 1918 г. в свое время горячо приветствовались Западом, несмотря на то, что они свершались с применением насилия. Так что возмущение современного Запада против применения насилия явно зависит от того, кто применяет силу и против кого ее направляет. Само собой понятно, что любая война основана на насилии, самое демократическое правительство опирается на принцип силы, который позволяет большинству выступить против меньшинства, если этого требуют интересы сохранения статус-кво. Негодование против любого применения насилия можно оправдать только с пацифистской точки зрения, полагая, что насилие аморально и недопустимо ни при каких обстоятельствах, либо что оно не может привести к каким-либо положительным результатам (не считая случая непосредственной самообороны). Следует заметить, что хотя Марксова теория насильственной революции лежит в русле буржуазной традиции (исключая Англию и США), Маркс делает значительный шаг вперед по сравнению с буржуазными теоретиками насилия. Этот прогресс марксистского взгляда на применение силы коренится во всей его теории исторического процесса.

Маркс видел, что никакая политическая сила не может вызвать к жизни ничего принципиально нового, если только это новое не вышло в недрах общественного и политического развития данного общества. Следовательно, насилие (если оно вообще необходимо) играет роль, так сказать, последнего толчка в развитии, которое в основном уже состоялось само собой. В связи с этим он называет насилие повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым.

Большой заслугой Маркса, которую он признавал за собой сам, было как раз то, что он перешагнул через традиционные буржуазные воззрения и не верил в творческую потенцию насилия, отказавшись от мысли, будто политическое насилие само по себе может обеспечить новый социальный строй. Потому насилие с точки зрения Маркса играло в высшей степени временную роль, а вовсе не роль элемента, непременно и постоянно задействованного при переустройстве общества.

IV. Природа человека

а) Понятие человеческой природы

Маркс не считал, в отличие от многих современных социологов и психологов, что говорить о некоей «человеческой природе» нельзя, что человек рождается чистым листом бумаги (*tabula rasa*), на котором культура (цивилизация, общество) пишет свой текст. Напротив, вопреки такому социологическому релятивизму, Маркс исходил из мысли, что человек как человек есть некая познаваемая искомая величина; что человек как человек должен получить определение не только в биологическом, анатомическом и физиологическом, но также и в психологическом ракурсе.

Разумеется, Маркс не думал, что «человеческая природа» прямо совпадает с тем человеческим типом, который случайно оказывается господствующим в данном обществе.

Понятие «человеческой природы» для Маркса (как и для Гегеля) — это не абстракция. Это живое человеческое существо, которое проявляется в различных исторических формах своего существования: «Человеческое существо — это не абстракт, присущий отдельному индивиду» — эти слова из «Капитала» свидетельствуют о постоянстве взглядов Маркса на понятие «человеческой природы», которые он изложил еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Позднее он перестает пользоваться словом «wesen» («существо»), которое считает абстрактным и неисторическим, но сохраняет мысль о природе человека в более историческом варианте, проводя грань между «человеческой природой вообще» и проявляющейся в каждую историческую эпоху «модификацией человека». Соответственно этому делению на общую и специфическую для каждой культуры природу человека, Маркс выделяет два типа человеческих потребностей: постоянные, или устойчивые (в пище, питье, продолжении рода), которые составляют существенную часть человеческой природы, и «относительные» потребности: стремления и страсти, которые составляют не главную часть человеческой природы и о которых Маркс говорил, что их возникновение определяется конкретным общественным устройством и определенными условиями производства и обмена [15].

В качестве примера Маркс рассматривал потребности, обусловленные капитализмом.

«Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает... Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений» [16].

Для Маркса человек — это сырье, которое нельзя изменить в плане его структуры (например, устройство мозга с доисторического времени). И в то же время человек действительно изменяется в ходе истории, развивается, трансформируется, является продуктом истории, а так как историю творит он сам, то и себя самого он творит тоже сам.

История есть история самореализации человека, самовыражения его в процессе труда и производства, *«вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека... у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения» [17].*

б) Деятельность человека

Определяя понятие «образ человека», Маркс опирается на Гегеля.

Гегель исходит из открытия, что сущность и явление не совпадают. Или, иными словами, у него возникает проблема соотношения сущности и существования (Wesen und Existenz). В процессе существования сущность реализуется, и одновременно «существовать» означает «возвращаться к сущности».

Для Гегеля познание достигается не внутри дихотомической пары субъект — объект, где объект отделен от субъекта и противостоит ему. Чтобы понять мир, человек должен присвоить его себе (sich aneignen). Люди и вещи находятся постоянно в процессе перехода от одного состояния к другому

Единство бытия, идентичность (сходство) внутри изменчивости — это, согласно Гегелю, есть процесс, где все разлагается на внутренние противоположности, которые сталкиваются, приходят в противоречия, входят в конфликт и разрушаются. Таким образом, сущность — это

одновременно и историческая и онтологическая категория. Различные возможности вещей реализуются в том самом всестороннем процессе, который и составляет их существование (Existenz). Гегель описывает этот процесс как переход возможности в действительность в собственном смысле слова.

В противоположность позитивизму, для Гегеля факты лишь тогда являются фактами, когда они связаны с тем, что еще не является фактом; а в данной ситуации, среди имеющихся фактов, выступают как реальная возможность. Другими словами, факты являются таковыми только как моменты какого-либо процесса, который выходит за их рамки и простирается до того момента, которого фактически еще нет в реальной действительности.

Подчеркивание активности человека в этом процессе восходит к этической системе Спинозы, который делил все аффекты на пассивные (страдания) и активные (действия), — только последние делают человека свободным и творческим, при этом особую роль играют мужество и сила воли.

Гете, который, как и Гегель, во многом испытал влияние Спинозы, превратил эту мысль о человеческом творчестве (продуктивности) в центральный момент своей философии.

«Пока человек в стихах высказывает лишь свои личные ощущения, его еще нельзя назвать поэтом, но как только он сумеет почувствовать и высказать боль целого мира, то тогда он действительно поэт. И тогда он неисчерпаем и может быть вечно новым...»

Гете в своем «Фаусте» в поэтической форме выражает мысль о творческом характере человека. Ни деньги, ни власть, ни чувственные наслаждения не могут дать человеку понимание смысла жизни; в отрыве от целого мира он останется несчастным. Только творчество наполняет жизнь человека особым смыслом и позволяет ему радоваться жизни, не цепляясь за ее ценности. Человек становится способен распрощаться с жадной обладания и в полной мере ощутить полноту своего бытия: он наполнен жизнью, хотя его карман пуст, он много значит сам (он есть), хотя он мало что имеет.

У Гегеля мы в систематической форме находим эту мысль: творческий человек является таковым лишь тогда, когда он ведет себя не как пассивный реципиент, а как активный производитель, который выступает по отношению к миру как личность.

Итак, для Спинозы, Гете, Гегеля, Маркса человек живет лишь до тех пор, пока он творит, пока он преобразует внешний мир своими силами.

Для Маркса человека характеризует принцип движения (активности), деятельности. Этот принцип следует понимать не в механическом смысле, а как влечение, напряжение, жизненный Дух. Страсть для Маркса — это важная способность человека, которая выражается в активном стремлении к своему предмету.

Понятие продуктивности у Маркса легко проиллюстрировать его взглядами на феномен любви.

«Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т.д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей; Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т.е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье» [18].

Для понимания Марксовой концепции деятельности очень важно вникнуть в его представления о взаимоотношениях субъекта и объекта. Они находятся в неразрывной связи. Каждая вещь может служить усилению собственных способностей субъекта.

«Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается это поглощение пищи от поглощения ее животным. Удрученный заботами, нуждающийся человек нечувствителен даже по отношению к самому прекрасному зрелищу»... [19]

Чувства, данные человеку от природы, формируются лишь позднее под влиянием предметного мира.

«...Не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т.д.), — одним словом, человеческое чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе» [20].

Внешний мир становится для человека реальным лишь тогда, когда он посредством своих сил вступает в отношения с предметным миром; а в действительности только «любовь» учит человека по-настоящему поверить, наконец, в реальность объективного мира. Субъект и объект — неделимы.

«Глаз стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, созданным человеком для человека. Поэтому чувства непосредственно в своей практике стали теоретиками. Они имеют отношение к вещи ради вещи, но сама эта вещь есть предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку [21], и наоборот. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою эгоистическую природу, а природа утратила свою голую полезность, так как польза стала человеческой пользой» [22].

Поэтому потребность или наслаждение утрачивают свою эгоистическую природу, когда польза превратилась в человеческую пользу (я могу относиться к вещам только как человек, когда вещь выступает по отношению к человеку в человеческой форме).

Эта мысль очень важна, она почти дословно совпадает с высказыванием Гете и с философией дзен-буддизма: «Человек преодолевает самоотчуждение, когда он ведет себя по-человечески, вступает в человеческие отношения с предметным миром».

Маркс пишет:

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, =гуманизму, а как завершенный гуманизм, =натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» [23].

Такое деятельное отношение к предметному миру Маркс называет «творческая жизнь».

Исходя из такого понимания самовыражения, самореализации, Маркс приходит к новому пониманию богатства и бедности, которое отличается от понятий политэкономов. Маркс пишет:

«...на место экономического богатства и экономической нищеты становятся богатый человек и богатая человеческая потребность. Богатый человек — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда. Не только богатство человека, но и бедность его получает при социализме в равной мере человеческое и потому общественное значение» [24].

Такое же понимание богатого человека мы находим у Маркса в его толковании понятий «haben» и «sein».

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем (haben. — Прим. Э. Ф.), т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., — одним словом, когда мы его потребляем, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения, в свою очередь, рассматривает лишь как средство к жизни, а та жизнь, для которой они служат средством, есть жизнь частной собственности — труд и капитализирование. Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство» [25].

Маркс понял, что капиталистическая политэкономия выдвигает в качестве главного принципа экономии: Selbstentsagung (отказ от себя, от жизни и всех человеческих потребностей).

«Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем больше становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем — твой капитал. Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде денег и богатства, и все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — все это они могут себе присвоить; все это они могут купить; они — настоящая сила... Все страсти и всякая деятельность должны потонуть в жажде наживы. Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить лишь для того, чтобы иметь (этот минимум)» [26].

Производство нужных предметов в обществе, с точки зрения Маркса, не является высшей целью, самоцелью. Противоположность между расточительностью и скарденностью, роскошью и воздержанием, богатством и бедностью — это лишь видимость.

Для сегодняшнего дня очень важно уяснить этот взгляд Маркса: ибо и в коммунистических, и в социалистических партиях выдвигается принцип, лежащий в основе капиталистической системы: принцип максимального производства и максимального потребления. Этот принцип возводится в ближайшую цель общества.

Независимость и свобода, по Марксу, основывается на акте самореализации (Selbsterschaftung).

«Какое-нибудь существо является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно

обязано своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом» [27].

Он свободен по-настоящему, если свободен не только от, но и для чего-то.

Цель социализма, по Марксу, — освобождение человека, а освобождение, эмансипация соответствует самореализации человека внутри процесса производственных связей и единению человека с природой. Цель социализма для него — развитие каждого индивида как личности.

О системе типа советского коммунизма Маркс высказал свое суждение в словах «грубый коммунизм». Этот «грубый коммунизм» проявляется в двух образах: во-первых, господство вещной собственности здесь затмевает взор настолько, что люди готовы уничтожить все, что не подлежит обобществлению. Они хотят силой отбросить такие факторы, которые не укладываются в понятия вещной собственности (например, талант и т.д.). Физическое, непосредственное обладание является для них целью бытия; понятие «рабочий» не отменяется, а распространяется на всех; отношения частной собственности заменяются отношениями общественной собственности, которая простирается на весь мир, вплоть до обобществления жен...

Такой коммунизм, который во всем отрицает личность, человеческую индивидуальность, является результатом последовательного проведения общественной собственности.

«Грубый коммунизм» — это реализация обычной человеческой зависти, которая является оборотной стороной медали с именем *habsucht* (жадность, накопительство), который не допускает, чтобы другой был богаче, а потому призывает к уравниловке.

Крайней формой такой уравниловки можно достигнуть, идя от культуры и цивилизации назад к общине, где все работают и все равны.

Марксово понятие самореализации человека может быть уяснено лишь в связи с его понятием «труд». Для Маркса труд и капитал были не только экономическими категориями. Они были для него в значительной степени антропологическими и определялись его гуманистическими ценностями.

Накопление капитала представляет собой прошлое; труд, с другой стороны (при условии его освобождения, т.е. свободный труд), — это выражение настоящего и будущего.

Маркс писал, что в буржуазном обществе господствует прошлое над настоящим, в коммунистическом — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал имеет личную свободу и самостоятельность, в то время как деятельный индивид сам по себе и не личность и не свободен.

Здесь Маркс следует идее Гегеля, который понимал труд как «процесс самотворчества, самореализации». Труд для Маркса — это деятельность, а не товар. Сначала он называл работу словом «деятельность» (*Tätigkeit*), а не словом труд (*Arbeit*) и говорил об отмене (*Aufhebung der Arbeit*) труда как цели социализма. Позднее, когда он стал проводить грань между свободным и отчужденным трудом, он стал употреблять понятие «освобождение труда» (*Befreiung der Arbeit*).

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет

игру этих сил своей собственной власти... Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [28].

В труде человек выражает себя, свою индивидуальность, свои физические и психические силы. Труд не только средство достижения цели (продукта), но и самоцель, это осмысленное приложение человеческой энергии. Поэтому труд предъявляет капитализму претензии не столько за несправедливое распределение богатств, сколько за то, что он превратил труд в принудительную, отчужденную, бессмысленную работу, а тем самым и человека — в ущербного калеку, монстра.

Марксово понятие труда как реализации человеческой индивидуальности выражено в его идее полной отмены векового подневольного труда. Цель развития человека — это формирование совершенного универсального человека, свободного от уродливой специализации. Как полагает Маркс, во все предшествующие эпохи человек был охотником, рыбаком, пастухом или критиком и должен был оставаться им, чтобы не потерять кусок хлеба, а в коммунистическом обществе человек сможет получить неограниченное образование в любой отрасли, где общество регулирует производство и тем самым дает возможность людям сегодня делать одно; а завтра — заняться другим (утром охотиться, после обеда ловить рыбу, а после ужина заниматься критикой).

Нигде нет большей путаницы и искажений Маркса, как в изображении советских коммунистов, реформ-коммунистов и капиталистических критиков социализма, ибо все они в один голос твердят, что Маркс стремился исключительно к улучшению экономического положения рабочего класса и хотел отмены частной собственности для того, чтобы рабочий имел то же самое, что имеют сейчас капиталисты.

На самом деле Маркс сегодня оценил бы положение рабочих на русском «социалистическом» заводе, или британском государственном предприятии, или американском заводе типа «Дженерал моторс» как приблизительно одинаковые. И это выражается в следующих его словах.

Насильственное повышение заработной платы (не говоря уже о всех прочих трудностях, не говоря уже о том, что такое повышение как аномалию можно было бы сохранить тоже только насильственно) было бы не более чем лучшей оплатой раба. И не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства. Даже равенство заработной платы, которого требует Прудон, имело бы лишь тот результат, что превратило отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслилось бы как абстрактный капиталист [29].

Таким образом, центральное место в творчестве Маркса занимает проблема превращения отчужденного бессмысленного труда в свободный, творческий труд (а не увеличение оплаты за отчужденный труд со стороны индивидуального, или абстрактного капиталиста).

V. Отчуждение

Невозможно составить себе полное представление о деятельном, творческом человеке, который своими руками создает и осваивает предметный мир, без понятия «отрицание продуктивности», или «отчуждение».

Для Маркса история человечества — это история постоянного развития человека и одновременно растущего отчуждения. По Марксу, социализм означает освобождение от отчуждения, возврат человека к себе самому, его самореализацию.

Отчуждение, по Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает себя самого как первоисточник, как творца, а мир (то есть природа, вещи, другие люди и сам он) кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему. Они, как предметы, ему противостоят, хотя могли бы быть созданы им самим. Отчуждение означает восприятие мира (и себя самого) пассивно, разорванно, в отрыве субъекта от объекта.

В западной культуре идея отчуждения уходит корнями в ветхозаветные легенды о служении идолам; она же проявляется в заповеди: «*Не сотвори себе кумира*» [30]. То, что в устах пророков называлось «служением идолам», — это не замена одного Бога многими божками. Идолы — это вещи, это творение человеческих рук, человек же преклоняет колени и молится вещам, то есть тому, что сам он создал своими руками. И в этом своем акте человек сам превращается в вещь. Он переносит атрибуты своей собственной жизни на созданные им вещи и, не видя себя в качестве творца, и к себе самому относится как к существу, зависящему от молитвы, как к игрушке в руках Божьих. Человек выступает как существо подчиненное, лишённое своих жизненных сил, богатства своих возможностей [31].

В Ветхом завете сказано о безжизненности и пустоте идолов: «*есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат...*» (Пс. 113). Чем больше человек возносит своего кумира, приписывая ему свою собственную силу и мощь, тем слабее он становится, тем сильнее его зависимость от идолов.

Идолом может стать фигурка-талисман, икона или другое изображение Бога, церковь, государство, имущество. Служение идолам допускает изменение предмета поклонения. Это служение всегда есть обожествление того, во что сам человек вложил своё творчество и затем забыл об этом и воспринимает свой продукт как нечто стоящее над ним.

Самые распространенные примеры отчуждения мы встречаем в языке. Если я выражаю словами какое-либо чувство, например говорю: «Я люблю тебя», то это слово должно быть указанием на реальность, на то, что во мне живет, то есть должно показывать силу моего чувства. Слово «любовь» произносится как символ факта любви; когда оно произнесено, оно имеет склонность к самостоятельности, становится реальностью. Я воображаю, что произнесение слова — это то же самое, что и переживание любви, ведь очень скоро я говорю это слово и уже ничего не чувствую, кроме мысли «любовь», которая словом этим обозначена.

Отчуждение в языке иллюстрирует всю сложность проблемы отчуждения в целом. Язык — драгоценнейшее достижение человечества, и было бы безумием прийти к выводу, что во избежание отчуждения следует воздерживаться от разговоров. Но при этом человек должен всегда сознавать опасность сказанного слова, угрозу того, что слово, займет место живого переживания.

И это же относится ко многим другим достижениям человечества: к идеям, искусству, различного рода вещам и любым рукотворным изделиям. Они — продукт труда. Человек — их творец, они нужны ему для жизни. И в то же время каждое из этих завоеваний — ловушка, если дело дойдет до того, что они способны стать в жизни самоцелью, коль скоро место жизни занимают вещи, место естественных переживаний — искусственность, место чувства свободы — подчинение.

Мыслители XVIII и XIX вв. критиковали свои эпохи за возрастающую косность, пустоту и отсутствие жизни. Та же мысль о творчестве, которая встречается у Спинозы, Гегеля и Маркса, является краеугольным камнем и у Гете. В одной из бесед с Эккерманом Гете утверждает: «Божественность доступна лишь живому, а не мертвому; она проявляется в нарождающемся и изменяющемся, а не в остановившемся и застывшем. Поэтому в своем стремлении к

божественному началу дух как разум-откровение имеет дело лишь с возникающим и живым, а дух как разум-понимание имеет дело с уже устоявшимся и застывшим, но приносящим пользу».

Подобную же критику мы встречаем у Шиллера, Фихте, а затем и у Гегеля и Маркса, который высказал общую мысль, что в его время существует истина без страсти и страсть без правды.

Вся экзистенциалистская философия, начиная с Кьеркегора, по словам, Пауля Тиллиха, — это вековое движение протеста против обезчеловечения человека в индустриальном обществе. И действительно, в атеистическом словаре понятие «отчуждение» эквивалентно слову «грех» на языке деистов: отказ человека от себя самого, от Бога в себе самом.

Понятие «отчуждение» было внесено в философию Гегелем. Для него история человека была одновременно и историей человеческого отчуждения. В «Философии истории» он писал, что то, к чему действительно стремится дух, есть осуществление его представлений, но пока это происходит, дух скрывает эту цель от своей сущности и, предаваясь этому отчуждению от себя самого, становится горд и доволен собой.

Для Маркса, как и для Гегеля, понятие «отчуждение» базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование отделено (отчуждено) от его сущности, что человек в наличной действительности представляет собой вовсе не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, он являет собой не того, кем он может и должен стать.

Для Маркса процесс отчуждения происходит в труде и разделении труда. Труд для него — это живая связь человека с природой, сотворение нового мира, включая сотворение себя самого (разумеется, интеллектуальная деятельность, искусство, как и физическая деятельность, — также труд).

Но с развитием частной собственности и разделением труда труд утрачивает характер выражения человеческих творческих сил. Труд и продукты труда приобретают самостоятельное бытие, независимо от воли и планов человека.

«...Предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда» [32].

Труд становится отчужденным, ибо он перестает быть частью природы рабочего, и поэтому рабочий:

«в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы». Поэтому рабочий только вне труда не чувствует себя оторванным от самого себя. Поэтому в процессе производства рабочий относится к своей «собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскотление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность» [33].

До тех пор, пока человек испытывает к себе такое отчуждение, одновременно и продукт труда превращается в «чуждую» ему силу, стоящую над ним. В это же самое время все его отношение к чувственному внешнему миру превращается в такое же отчужденное: человек воспринимает этот мир как чужой, враждебный, возвышающийся над ним.

Маркс акцентирует два момента:

1. В процессе труда (и особенно в условиях капитализма) человек не сознает своих собственных творческих сил;
2. *«Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»* [34].

Даже среди социалистов по этому поводу бытует широко распространенное заблуждение относительно взглядов Маркса. Многие считают, что Маркс говорит преимущественно об экономической эксплуатации рабочего и о том факте, что его участие в присвоении продуктов производства не так значительно, как это должно быть, либо о том, что продукт вообще должен был бы принадлежать рабочему, а не капиталисту.

Но, как я уже говорил, по мнению Маркса, коллективный капиталист, государство-капиталист, нисколько не лучше капиталиста-индивидуала. Даже равенство дохода здесь не является для Маркса первостепенным. Главное, что его волнует, — освобождение человека от такой формы труда, которая разрушает его личность, от такого труда, который превращает человека в вещь, который делает его рабом вещей. В данном вопросе Маркса, как и Кьеркегора, волновала проблема спасения личности. Его критика капитализма направляется не против способа распределения доходов, а против способа производства, против разрушения личности и обращения ее в раба (причем не капиталист превращает рабочего в раба, но и рабочий, и капиталист превращаются в рабов посредством тех вещей и обстоятельств, которые они сами создают).

Маркс идет еще дальше: в процессе неотчужденного труда человек реализует себя не только как индивид, но и как родовое существо. Для Маркса, как и для Гегеля и других мыслителей Просвещения, каждый индивид олицетворяет собою вид, род, человечество в целом, универсального человека: развитие человека ведет, по их мнению, к развертыванию его неограниченных человеческих возможностей.

Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его произведением и его действительностью. Предмет труда есть опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд отнимает у человека его родовую жизнь, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращается для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу.

Подобным же образом отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в «средство для поддержания его индивидуального существования» [35].

Маркс предполагал, что отчуждение имеет глубокую историю, но достигает своего апогея в капиталистическом обществе. И что рабочий класс — это наиболее отчужденный класс. Эта мысль исходит из предположения, что рабочий, не принимая участия в решениях, выступая придатком машины и попадая в зависимость от капитала, превращается в вещь (товар). Отсюда Маркс делал вывод, что

«эмансипация общества от частной собственности и т. д., от кабалы, выливается в политическую форму эмансипации рабочих, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо их эмансипация включает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала

человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения» [36].

Еще раз следует подчеркнуть, что Маркс не ограничивал свою цель освобождением рабочего класса, а мечтал об освобождении человеческой сущности путем возвращения всем людям неотчужденного и, таким образом, свободного труда, об обществе, которое живет ради человека, а не ради производства товаров и в котором человек перестает быть уродливым недоноском, а превратится в полноценно развитое человеческое существо.

Идея Маркса об отчуждении продукта труда содержится в «Капитале», в понятии «фетишизация товара». Капиталистический способ производства превращает отношения людей в отношения по поводу качества вещей, «отношения людей опредмечиваются» и это превращение составляет суть самой природы товарного производства. Это и не может быть иначе при таком способе производства, когда механизм производства приспосабливается к слабости человека, чтобы затем слабого человека превратить в механизм. Отчуждение труда в современном производстве куда сильнее, чем во времена ремесленничества и мануфактуры, где человек сам использует орудия труда. На фабрике же рабочий служит машине. Раньше от него шло все движение средств труда и он сам должен был за ними следить, ибо в мануфактуре рабочие составляют звенья единого живого механизма. На фабрике существует один мертвый механизм, независимый от человека, а люди приставляются к нему, как живые винтики.

Для понимания Марксовой концепции в целом чрезвычайно важно уяснить, в какой мере понятие отчуждения составляло всегда доминанту его сознания: в молодые годы (в «Экономическо-философских рукописях») и в зрелые годы, когда он писал «Капитал». Эту преемственность нетрудно доказать цитатами из обеих работ. Так, Маркс пишет:

«Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета — как отчуждение» [37].

И в «Капитале» Маркс пишет, что внутри капитализма как системы осуществляются все методы повышения производительности труда в общественном производстве за счет отдельного рабочего; все эти средства превращаются в средства подавления и эксплуатации производителя, они превращают рабочего в частичного человека, придаток машины... то есть отнимают у него его духовные, его творческие силы.

Итак, роль частной собственности (в смысле собственности на капитал, покупающий наемный труд) и отчуждающая функция этой собственности были ясны Марксу еще в молодые годы.

«...Частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчужденного труда, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе. Таким образом, к частной собственности мы приходим посредством анализа понятия отчужденного труда, т. е. отчужденного человека, отчужденной жизни» [38].

Человек подчинен не только вещному миру; создаваемые им общественные и политические обстоятельства также подчиняют его себе. Отчужденный человек, который верит, что он господствует над природой, становится рабом вещей и обстоятельств, беспомощным придатком в мире, который сам есть не что иное, как застывшее (опредмеченное) выражение его собственных сил.

Для Маркса отчуждение в процессе труда — отчуждение от продукта труда и от условий труда — неразрывно связано с отчуждением человека от себя самого, от других людей и от природы.

«Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека» [39].

Отчужденный человек не только чужд другим людям, он лишен человечности как в естественном, природном, так и в духовном смысле. Такое отчуждение от человеческой сущности ведет к экзистенциальному эгоизму, который Маркс определяет как превращение человека в «средство своего индивидуального существования». В отчужденном труде человек лишается даже своего тела и окружающей природы, а также своего духовного «Я», себя самого как человеческого существа.

Здесь Маркс затрагивает кантовский принцип, который гласит, что человек всегда должен быть сам себе целью и никогда не может быть средством достижения цели. Но Маркс развертывает этот принцип дальше, утверждая, что человеческое существо не должно превращаться в средство не только чужих целей, но и даже в средство своего индивидуального бытия.

Трудно более четко выразить разницу между взглядами Маркса и воззрениями коммунистов тоталитарного толка. Жизнь человека, по Марксу, не должна стать средством даже его индивидуального бытия; ну а если человека рассматривают как средство обеспечения бытия класса, нации или средство существования государства? Тогда как?

Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. Если человек считает высшей целью доход, труд и экономию, трезвость и прочее, он упускает из виду подлинно моральные ценности: богатство чистой совести, добродетели. В состоянии отчуждения каждая сфера жизни не связана с другими (экономика с моралью и т. д.). И это специфическая особенность царства отчуждения, где каждый вращается в кругу своей собственной отчужденности и никого не трогает отчужденность других людей (чужая боль).

Маркс понял, что происходит с человеческими потребностями в мире отчуждения, и он с удивительной прозорливостью предсказал финал этого процесса, который стал очевиден лишь сегодня. В то время как в социалистических идеях главное значение должно иметь богатство человеческих потребностей и отсюда — новый способ производства и новые предметы производства являются новым подтверждением человеческой силы и новым обогащением человека как такового, в капиталистическом мире потребности не являются выражением скрытых человеческих потенций, это не человеческие потребности; при капитализме все обстоит совсем по-другому.

«Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания власти денег. — Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. — Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят

всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой. Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделий. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в человеческую потребность. Ее идеализм сводится к фантазиям, прихотям, причудам, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя гроши, выманить золотую птицу из кармана своего христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которой хотят выманить у другого человека его сущность — его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом — тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь *conditio sine qua non* [40], ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), — для этой цели промышленный евнух приспособляется к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделия, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность» [41].

Чем беднее человек становится как человек, тем выше его потребность в деньгах, чтобы справиться с враждебными ему существами; а власть его денег находится в обратно пропорциональной зависимости к массе предметов производства; это называется так: его потребности растут по мере того, как прибывает сила денег. Потребность в деньгах, таким образом, есть единственная действительная потребность, как результат экономических законов, и эта единственная потребность все больше становится их главным и единственным мерилом.

Человек, подчиненный своим отчужденным потребностям, — это уже не человек ни в духовном, ни в телесном смысле... это всего лишь самодеятельный и сознающий себя товар [42]. Этот человек-товар знает только один способ отношений с внешним миром: обладание и потребление. Чем больше степень его отчужденности, тем больше потребление и обладание становятся смыслом его жизни.

«Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь...» [43]

«И подобно тому как промышленность спекулирует на утонченности потребностей, она в такой же мере спекулирует и на их грубости, притом на искусственно вызванной грубости их. Поэтому истинным наслаждением для этой грубости является самоодурманивание, это кажущееся удовлетворение потребности, эта цивилизация среди грубого варварства потребностей» [44].

История внесла лишь одну-единственную поправку в Марксову концепцию отчуждения: Маркс думал, что рабочий класс — это самый отчужденный класс и потому освобождение от отчуждения должно обязательно начаться с освобождения рабочего класса. Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог предвидеть, что настанет день, когда огромная (и все возрастающая) часть населения попадет в зависимость не от машин, а станет объектом манипулирования со стороны других людей и их символов. Например, служащий, посредник, представитель фирмы, менеджер сегодня — это же люди еще более отчужденные, чем профессиональный рабочий. Деятельность рабочего еще в

какой-то мере является выражением его личных способностей (ловкости, надежности и т. д.), и у него нет необходимости продавать свою личность: свою улыбку, свое мнение и т. д.

Людей, манипулируемых символами, только за то и берут на работу, что они «привлекательны внешне», податливы, коммуникабельны и удобны для манипулирования. Они в прямом смысле могут быть названы словом «человек-система, организованный человек», их идеалом является их предприятие. Что же касается потребления, то здесь нет разницы между чернорабочим и представителем бюрократии. Они все одержимы одной страстью: новых вещей, страстью понукать, приобретать и потреблять. Они все — пассивные потребители, обессиленные и повязанные теми самыми вещами, которые служат удовлетворению их неестественных потребностей. Они не состоят в творческих отношениях с миром; они поклоняются вещам и машинам, которые производят эти вещи, — и в этом отчужденном мире они чувствуют себя заброшенными и чужими.

И хотя Маркс несколько недооценивал роль бюрократии, в целом его общая характеристика этого слоя абсолютно верна.

«Производство производит человека не только в качестве товара, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, согласно этому определению, как существо и духовно и физически обесчеловеченное» [45].

Маркс едва ли мог предвидеть, до какой степени становимся мы рабами вещей и обстоятельств, созданных своими руками; однако его пророчество сбылось сегодня полностью, неоспоримым доказательством чего является тот факт, что все человечество сегодня попало в плен ядерного оружия, которое также явилось когда-то продуктом рук и мыслей человеческих.

Человек является также пленником политических институтов, которые сам же он создал. И сегодня запуганное человечество со страхом ждет, удастся ли ему спастись или оно все равно попадет под иго созданных им вещей, либо окажется жертвой слепых и бездумных бюрократов, которых сами же люди поставили над собой.

VI. Социализм

Представление Маркса о социализме вытекает из его концепции человека. Как уже не раз было показано, соответственно этому представлению социализм не должен быть обществом заорганизованных, автоматизированных индивидов. Подобное общество не стало бы социалистическим, даже если бы у всех его представителей был одинаковый доход и одинаково хорошее питание и одежда. Социализм не может быть обществом, в котором индивид подчинен государству, машинам, бюрократии и т. д. Даже если государство стало бы работодателем в виде абстрактного капиталиста, даже если весь общественный капитал будет сконцентрирован в одних руках (безразлично — одного частного капиталиста, либо одного государственного, общественного капиталиста) — это все равно не будет социализм. Ведь Маркс действительно пишет в «Экономическо-философских рукописях», что не коммунизм, как таковой, является конечной целью человеческого развития. А что же тогда?

Совершенно очевидно, что целью социализма является человек. Социализм должен создать в обществе такой способ производства и такие организации, в которых человек сможет преодолеть отчуждение от своего продукта, своего труда, окружающих людей и даже от природы, создать условия, в которых человек сможет найти себя и взять мир в свои руки так, чтобы жить в единстве. Социализм был для Маркса (как это формулирует Пауль Тиллих) «восстанием против разрушения любви и социальной реальности» [46].

Особенно четко цель социализма сформулирована Марксом в конце третьего тома «Капитала»:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» [47].

Здесь Маркс выделяет все существенные элементы социализма, то есть что человек участвует в производстве, которое объединено, лишено конкуренции; что продукция находится у него под контролем и не превращается в слепого идола, который подчиняет его себе. Такой взгляд категорически исключает возможность считать социализмом такое общество, в котором человек является объектом манипулирования со стороны бюрократии, даже если эта бюрократия правит всей государственной экономикой (а не одним каким-либо предприятием). Это означает, что каждый отдельный человек принимает активное участие в планировании и выполнении планов; это означает, короче говоря, воплощение в жизнь политической и экономической демократии.

Маркс ожидает, что человек не будет чувствовать себя зависимым в таком неотчужденном, свободном обществе, что он будет твердо стоять на собственных ногах и не будет испытывать на себе уродливые отчужденные формы труда, производства и потребления; что человек и впрямь станет творцом своей жизни и, таким образом, сможет начать жить, сделать своим главным занятием жизнь, а не производство средств жизни. Социализм, как таковой, никогда не означал, по Марксу, исполнения желаний жизни, а скорее был условием такого исполнения.

Если человек сможет построить рациональное общество, свободное от отчуждения, то он получит шанс заняться тем, что является подлинной целью жизни, «развитием человеческих сил», которые и можно считать самоцелью: движением к подлинному «царству свободы».

Марксу, человеку, который читал, перечитывал и знал наизусть произведения Эсхила и Шекспира, который постоянно оживлял в себе величайшие творения человеческого духа, ему и в страшном сне не могло присниться, что его идея социализма будет истолкована таким образом, будто его целью является государство сытых, «хорошо одетых рабочих», или же «государство всеобщего блага».

По мнению Маркса, человек на протяжении многих веков создал такую культуру, освоить которую он сможет лишь тогда, когда получит свободу, когда освободится от оков — и не только от гнета экономической бедности, но и от духовного обнищания, на которое он обречен в мире отчужденного труда.

Марксово видение социализма покоится на вере в человека, в его возможности, которые он уже проявлял не раз в ходе истории. Он рассматривает социализм как условие для свободного развития человеческих творческих способностей, а не как цель самой жизни.

Для Маркса социализм (или коммунизм) — это не бегство от реального мира, который люди создали путем опредмечивания своих способностей и умений, и не то, что уже утрачено

человечеством. Он не отождествляет социализм с убогой простотой прошлого (например, с общиной). Скорее, Маркс предлагает первую зримую актуализацию человеческой природы как некой реальности. Социализм, по Марксу, — это общество, в котором человеческое существо добивается реализации самого себя как «гомо сапиенс» путем преодоления отчуждения. Социализм в не меньшей степени есть создание условий для истинно свободного, разумного, деятельного и независимого человека; социализм есть осуществление мессианской цели — уничтожения идолов.

Только фантастическая ложь Сталина сделала возможным такое искажение Маркса, в результате которого его можно было воспринять как человека, враждебного свободе: ведь Сталин выступал от имени Маркса (причем проявлял при этом такое же фантастичное неведение в области Марксова наследия, которое и до сих пор господствует на Западе).

Для Маркса свобода была целью социализма, но свобода в гораздо более радикальном смысле, чем это представляют известные нам до сих пор демократии, — свобода в смысле независимости, которая основана на том, что человек сам себе хозяин, твердо стоит на ногах и способен использовать свои силы, проявить себя по отношению к миру как творческое существо, как человек-творец, созидатель. С точки зрения Маркса, человек по сути своей настолько пронизан свободой, что она сама реализуется в его противниках. Никто никогда не выступает против свободы вообще, в крайнем случае — против свободы других людей. И поэтому во все времена люди знали, что такое свобода, только в какую-то эпоху ее считали особой привилегией, а затем стали рассматривать как универсальное право человека.

Социализм у Маркса — это общество, которое служит человеческим потребностям. Многие могут заметить: разве не этому служит современный капитализм? Разве наши большие экономические объединения не стремятся служить делу удовлетворения человеческих потребностей? А рекламные фирмы, статистические бюро, которые изучают мотивы, спрос и предложения? Фактически Марксову концепцию социализма можно понять лишь при условии уяснения той границы, которую Маркс проводил между естественными, истинными потребностями людей и потребностями синтетическими, искусственными. Истинные потребности человека коренятся в его природе: это такие потребности, удовлетворение которых необходимо для реализации человека как такового, его человеческой сущности...

Понимание Марксом сущности человека лучше всего иллюстрирует его рассуждение о деньгах и их извращающей силе в мире отчуждения:

«Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость... Деньги осуществляют братание невозможностей... Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье» [48].

Разграничение истинных и ложных потребностей Маркс делает на основе анализа особого понятия «человеческой природы». Дело в том, что субъективно каждый человек даже ложные свои потребности ощущает как совершенно неотложные; и с субъективной точки зрения не существует критерия отличия истинных потребностей от ложных. (На современном языке это бы звучало как

разграничение здоровых и невротических потребностей.) Более того, нередко человек сознает лишь свои ложные потребности и не сознает истинных. И это как раз входит в круг задач психоаналитика: разбудить пациента и заставить его самого понять, где истинные его потребности, а где — иллюзорные.

Важнейшей целью социализма, по Марксу, является осознание истинных человеческих потребностей и их удовлетворение; а это станет возможно лишь тогда, когда производство будет служить человеку, а капитал перестанет спекулировать на иллюзорных потребностях человека.

Марксова идея социализма совершенно тождественна экзистенциалистскому протесту против отчуждения. Если Олдос Хаксли говорит, что «большинство наших мероприятий в экономической, социальной и международной сфере... покоится на организованном безлюбии (отсутствии любви)», то социализм Маркса — это протест против такого «безлюбия», против эксплуатации человека человеком, против потребительски-губительного отношения к природе, истощения естественных богатств в ущерб большинству сегодняшних и еще больше грядущих поколений. Неотчужденный человек, который и является целью социализма, — это не тот, кто «овладевает» природой, господствует над ней, а тот, кто выступает в единстве с ней; это тот, кто даже к вещам (предметам) относится по-доброму, ибо он в процессе труда вкладывает в них душу, и они «живут» для него.

Не означает ли это, что социализм Маркса имеет много общего со всеми великими гуманистическими религиями мира? Пожалуй, в этом что-то есть: учение Маркса, как и Гегеля и многих других мыслителей, предусматривает осуществление самых глубинных человеческих порывов и стремлений, только в данном случае забота о душе человека была выражена не теологическим, а философским языком.

Маркс боролся против религии постольку, поскольку она является формой отчуждения и не служит удовлетворению истинных потребностей человека. Марксова борьба против Бога на самом деле была борьбой против кумиров, идолов. Еще в юности он написал как эпитафия к своей диссертации следующие слова: «Не тот безбожник, кто презирает богов толпы, а тот, кто приписывает богам идеи толпы (массы)».

Атеизм Маркса — это наиболее прогрессивная форма рациональной мистики. Маркса обвиняют в безбожии, а он стоит ближе к Мейстеру Экхарту или дзен-буддизму, чем большинство борцов за Церковь и Бога. Собственно человеческие способности — это способность понимать и способность любить. Истоки такого взгляда на человека восходят к ветхозаветным пророкам: греки (эллины) и римляне (Зенон, Сенека, Цицерон) считали равноправие людей естественным правом. Христианство создало некий эрзац справедливого общества. Схоласты же, наоборот, видели на стороне государства естественное право. В Реформации есть более радикальные взгляды. После Реформации большинство мессианских мыслителей выражали свои идеи не в религиозных, а в философских и социологических настроениях.

Косвенно это проявляется в великих утопиях эпохи Ренессанса, в философии Просвещения и у идеологов французской и английской революции, а самую законченную форму эти идеи приобретают в Марксовом понятии социализма...

Нет сомнения, что на Маркса серьезное влияние оказали философы-просветители, и особенно Спиноза, Гете и Гегель, а через них косвенно и христианские мыслители. Ведь христианских мыслителей XIII в., просветителей XVIII в. и социалистов XIX в. объединяет одна общая идея о том, что государство (общество) не должно и не может быть отгорожено от духовных ценностей: политические и моральные ценности должны быть в нераздельном единстве. Эта идея получила выражение в светских набросках эпохи Возрождения (Макиавелли) и была вновь подхвачена секуляризмом современного государства. Складывается впечатление, что на Западе человек, попав под влияние грандиозных материальных достижений и упоенный освоением новых земель и

расцветом итальянских городов (на севере Италии), без оглядки подчинился этим новым силам (которые созданы им самим). И то же самое повторилось вновь в эпоху первой и второй промышленных революций.

Но это развитие было осложнено присутствием еще одного фактора. Когда государству или обществу предназначено служить осуществлению некоторых духовных ценностей, то возникает опасность, что какой-нибудь высший авторитет начнет приказывать человеку и принуждать его к определенному стилю мышления и поведения. Осуществление определенных объективных ценностей в социальной жизни имеет тенденцию вызывать к жизни авторитарные формы суждений.

Духовным авторитетом средневековья была католическая церковь, с которой вступил в борьбу протестантизм, поначалу обещая большие свободы для индивида лишь затем, чтобы позднее сделать феодальное государство (князя) беспрекословным и произвольным господином над душами людей.

Движение протеста против авторитета феодала опять осуществляется именем нации, и некоторое время казалось, что национальное государство несет людям свободу. Но капиталистическое государство очень скоро решительно и целеустремленно стало защищать материальные интересы владельцев капитала, следствием чего явилась эксплуатация большинства населения.

Определенные классы выступили с протестом против этой новой формы авторитарной власти и настаивали на сохранении свободы индивида от вмешательства светских авторитетов. Это требование либералов было направлено на сохранение «свободы от»... но одновременно оно приводило к требованию отказа государства и общества от всякой попытки осуществить «свободу для»... то есть либералы требовали не только отделения церкви от государства, но и того, чтобы государство отказалось от своей задачи способствовать внедрению определенных нравственных ценностей и норм; по их мнению, это было частным делом индивидов.

Социализм (в марксистской и других формах) полностью вернулся к идее «хорошего общества», как предпосылки для реализации духовных потребностей индивида. Он был настроен антиавторитарно (как в отношении государства, так и в отношении церкви) и предусматривал такую цель, как исчезновение государства и построение общества, состоящего из свободно и добровольно объединившихся индивидов. Его целью было такое переустройство общества, на основе которого мог осуществиться подлинный возврат человека к себе самому; то есть создание общества без всяких авторитарных сил, способных ограничить развитие творческого духа людей.

Таким образом, марксистский социализм является наследником протестантской этики, христиански-хилиастского сектанства, томизма возрожденцев и просветителей XVIII в.

Это синтез пророчески-христианской мечты об обществе такого уровня, в котором осуществится идея личной свободы, в котором произойдет подлинная духовная реализация человека. Социализм — враг церкви, ибо она ограничивает силы разума; он — враг либерализма, ибо тот отделяет друг от друга общество и моральные ценности. Он — враг сталинизма и хрущевизма из-за их авторитарности и также из-за их наплевательского отношения к человеческим ценностям.

Социализм — это отмена человеческого самоотчуждения, возврат человека к его подлинно человеческой сущности. Он есть истинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и другими людьми, это разрешение спора, противоречия между сущностью и существованием, между опредмечиванием и распредмечиванием, между свободой и необходимостью, между человеческим индивидом и родом человеческим. Это и есть разгадка тайны истории. Мысль о связи между мессианским пророчеством и Марксовым социализмом подчеркивается многими авторами.

Для Маркса социализм означал общественный порядок, который позволит осуществить возврат человека к себе самому, единство сущности и существования, преодоление разрыва и антагонизма между субъектом и объектом, которое приведет к очеловечению природы. Это будет мир, в котором человек не будет чужим среди чужих, а будет чувствовать себя как свой среди своих.

VII. Судьба марксовых идей

Если бы были правы те, кто утверждает, что идеи «молодого Маркса», содержащиеся в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», зрелый Маркс отбросил как остатки идеализма, которому он был обязан гегелевской школе, то наше изложение марксистских понятий природы человека, отчуждения, деятельности и так далее было бы односторонним и во многом ошибочным. Если бы они были правы, то можно было бы сказать: мы предпочитаем молодого Маркса старому и хотим строить социализм по молодому Марксу. К счастью, нет нужды делить Маркса на две части. Ибо на самом деле идеи Маркса о человеке от «Экономическо-философских рукописей» и до «Капитала» не претерпели серьезных изменений.

Сначала посмотрим, кто же усматривает наличие неразрешимых противоречий между взглядами «молодого» и «старого» Маркса. Этот взгляд принадлежит в основном русским коммунистам, и они не могут мыслить иначе, ибо их мышление, их политическая и социальная система во всех отношениях чужды духу Марксова гуманизма. В их системе человек — слуга государства и производства, а не высшая цель всей общественной деятельности.

Цель Маркса — развитие индивидуальной человеческой личности — в советской системе социализма отрицается еще больше, чем в современном капитализме. Материализм коммунистов гораздо ближе стоит к механическому материализму буржуазной эпохи XIX в. (против которой выступал Маркс), чем к «историческому материализму» Маркса.

Компартия СССР высказала свое мнение по этому поводу, когда Дьердь Лукач (который первым оживил гуманизм Маркса) в 1924 г. бежал в Россию от нацистов и там его принудили «признать» свои ошибки. Эрнст Блох, написавший блестящую книгу «Принцип надежды» (1959), в которой он также делал акцент на Марксовом гуманизме, был подвергнут серьезным нападкам со стороны Компартии СССР, несмотря на многие похвалы в адрес КПСС, содержащиеся в его книге.

Кроме коммунистов такую же мысль высказал недавно и Даниэл Белл, заявивший, что в «Экономическо-философских рукописях» изложены взгляды лишь раннего Маркса. По его мнению, хотя это кажется и очень привлекательным, но утверждать, что гуманистические идеи составляют сердцевину Марксова мировоззрения, — это означает продолжать мифологизацию его творчества.

Нельзя не согласиться с тем, что классические интерпретаторы Маркса (будь то реформисты типа Бернштейна или ортодоксы типа Каутского, Плеханова, Ленина, Бухарина) не только никогда не считали гуманистическую проблематику в наследии Маркса центральной, они вообще не придавали ей существенного значения. Это явление можно объяснить двумя обстоятельствами.

Первое состоит в том, что «Экономическо-философские рукописи» были опубликованы впервые лишь в 1932 г., а до этого были неизвестны даже в рукописи. Второе заключается в том, что «Немецкая идеология» в полном объеме (без сокращений) увидела свет также лишь в 1932 г., да и первый сокращенный вариант был опубликован только в 1926 г. (под ред. Д. Рязанова — в 1928 г.).

Эти два факта вызвали целую массу искажений и односторонних интерпретаций Марксова наследия. Но и это обстоятельство (незнание до 20-30-х годов XX в. работ Маркса) отнюдь не достаточное объяснение того, что Марксов гуманизм был предан забвению классическими интерпретаторами. Ведь «Капитал», «Критика гегелевской философии права» (1844) и многие

другие работы Маркса дают достаточно оснований для обнаружения его гуманистических идей. Более убедительным является объяснение такого забвения тем, что в философском мышлении очень долго (еще со времен жизни самого Маркса и до 20-х годов XX в.) господствовали идеи позитивизма и механицизма, которые оказали влияние на таких мыслителей, как Ленин и Бухарин.

Кроме того, не следует забывать, что сам Маркс, как и все классические марксисты, органически не переносил таких понятий, которые имели хоть малейший привкус идеализма и религии, ибо они были совершенно уверены, что эти понятия долгие годы использовались для вуалирования фундаментальных фактов экономической и социальной реальности.

Марксова нетерпимость к идеалистической терминологии становится еще более понятной, если вспомнить, что его корни восходят к глубоко спиритуалистской традиции (хоть и в ее атеистическом варианте), которая простирается не только до трудов Спинозы, Гете и Гегеля, но еще глубже — вплоть до мессианских пророков. Такие же идеи были ясно выражены у Сен-Симона и Мозеса Гесса; они, безусловно, составляли весомую долю среди философских идей социалистов XIX в. и даже в философском мышлении XX в. вплоть до первой мировой войны (например, Жан Жорес).

Гуманистическая традиция, в которой жил еще Маркс и которая была почти полностью задушена духом механистического материализма в период расцвета индустриализма, ожила вновь (хоть в несколько ограниченном виде) у отдельных мыслителей в конце первой мировой войны и с новой силой во время и после второй мировой войны. Дегуманизация человека, связанная с ужасами сталинизма и гитлеризма, жестокие слепые убийства в период войны и плюс к тому все возрастающее обезчеловечение, вызванное к жизни бюрократизацией жизни и отчуждением труда в организованном обществе потребления, — все это вело к новой акцентировке гуманистических идей.

Другими словами: выраженный Марксом, Кьеркегором и Ницше протест против отчуждения, который перед лицом успехов индустриализма звучал несколько приглушенно, приобрел небывалую мощь и привел к новой оценке Маркса в тот момент, когда господствующая система обанкротилась. Эта новая оценка была сделана с учетом Маркса в целом, то есть на основе его гуманистической философии. Здесь надо добавить еще имена югославских коммунистов, которые первыми заявили о своем интересе к личности (в противовес русским коммунистам, у которых на первом месте всегда была государственная машина централизма и бюрократизации) и развернули систему децентрализации и индивидуальной инициативы.

В Польше, ГДР и Венгрии политические выступления против русских также были тесно связаны с идеями гуманистического социализма. Во Франции, Западной Германии и отчасти в Англии идет сейчас оживленная и грамотная дискуссия о Марксе. Из немецких авторов я назову лишь протестантских теологов (Фетчер), а французская литература еще обширнее и принадлежит перу как католиков (Ж. Ж. Кальвез), так и марксистов и немарксистов (А. Лефевр, Навиль, Л. Гольдман, А. Койре, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти) [49].

Новая волна марксистского гуманизма вспыхнула в англоязычных странах в связи с публикацией английского перевода «Экономическо-философских рукописей». В США самые крупные работы с анализом понятия Марксова гуманизма принадлежат Герберту Маркузе («Reason and Revolution») и Рае Дунаевской («Марксизм и свобода»).

Указание на вышеприведенные факты (например, на то, что русские коммунисты были вынуждены проводить грань между молодым и старым Марксом) и перечисление имен серьезных авторов, выступивших против этой позиции русских, еще не является доказательством того, что русские (и Д. Белл) не правы. Попробую кратко показать, в чем ошибочность этой позиции.

Имеются некоторые факты, которые при поверхностном анализе вроде бы подтверждают взгляд коммунистов. Так, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс уже не пользовались понятиями «род» и «человеческое существо», которые были использованы в «Экономическо-философских рукописях». Кроме того, позднее, в Предисловии «К критике политической экономии», Маркс писал, что они с Энгельсом решили вместе разработать свои взгляды в противовес идеологии немецкой философии и тем самым «свести счеты с нашей прежней философской совестью».

Некоторые считают, что это «сведение счетов с прежней философской совестью» означает, что Маркс и Энгельс отказались от основных идей, высказанных в «Экономическо-философских рукописях». Но даже беглое чтение «Немецкой идеологии» показывает, что это мнение ошибочно. Хотя здесь и не используются некоторые понятия, типа «человеческое существо», но важнейшие идеи «Экономическо-философских рукописей» находят здесь свое продолжение, и прежде всего — концепция отчуждения.

В «Немецкой идеологии» отчуждение объясняется как результат разделения труда, которое ведет к противоречию между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, общающихся друг с другом [50]. Нетрудно доказать, что понятие «отчуждение» определяется теми же словами, что и в «Экономическо-философских рукописях»:

«Если он <рабочий> относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению и игу... Подобно тому как он свою собственную производственную деятельность превращает в свое исключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом» [51].

Здесь мы также видим, что определение отчуждения замыкается на вышеизложенные обстоятельства: «Происходит перевертыш, превращение социальной деятельности в монстра: это утрата нашей способности контроля над продуктами нашей собственной деятельности, вещи становятся над нами, уничтожают все наши расчеты и ожидания — и это становится одним из главных моментов всего исторического развития». Весьма показательным, что Маркс заменяет выражение «самодеятельность» (Selbstbetätigung) на «деятельность» (Tätigkeit). Это говорит о том, что для Маркса было очень важно сохранить понятие «самодеятельность» для обозначения будущего неотчужденного труда в неотчужденном обществе.

Четырнадцать лет спустя Маркс в полемике с Адамом Смитом (1857-1858) использует якобы «идеалистические» аргументы, к которым он прибегал в «Экономическо-философских рукописях»; он указывает, что необходимость трудиться сама по себе отнюдь не означает ограничение свободы (если иметь в виду неотчужденный труд). Маркс говорил здесь как раз о «самореализации личности» и «тем самым о подлинной свободе».

И наконец, та же самая мысль, что целью человеческого развития является создание «богатого» человека, который преодолет разрыв с природой и другими людьми и достигнет подлинной свободы, находит выражение во многих местах «Капитала», написанного Марксом уже в весьма зрелом возрасте. Так, в третьем томе «Капитала» мы читаем о подлинном «царстве свободы», которая начинается с развертывания человеческих сил, способностей, «о полном развитии человеческой индивидуальности», о том, что «частичный человек — это результат процесса отчуждения», и о том, как «нужно создать целостного человека».

Взгляды Белла, который чисто случайно и совершенно по иным причинам разрывает творчество Маркса на молодого и старого, при ближайшем анализе оказываются результатом совершенно ошибочного прочтения Беллом текста Маркса (шестого тезиса о Фейербахе), а также совершенно

неверного определения им отчуждения. Как выяснилось, Белл не раз ошибался, читая чужие философские тексты (он даже пришел к выводу об антиличностном смысле философии буддизма).

Итак, подводя итоги, следует сказать следующее: это правда, что Маркс и Энгельс изменили некоторые свои понятия и идеи. Маркс стал еще больше избегать употребления терминов, близких гегелевскому идеализму, его язык стал менее эмоционален и эсхатологичен, быть может, оттого, что в последние годы у него поубавилось энтузиазма, которым он кипел в 1844 г. Но, невзирая на некоторые перемены во взглядах, настроениях и языке, философское ядро идей молодого Маркса никогда не менялось. И поэтому невозможно анализировать и понимать его поздние идеи о сути социализма и его критику капитализма, иначе чем опираясь на его концепцию человека, развернутую в ранних произведениях.

VIII. Маркс как человек

Путаница и искажение Марксовых трудов находят свое продолжение и в фальсификации его личности. Такие искажения нередко основываются на штампах, клише, распространяемых журналистами, политиками и даже социологами, которым полагалось бы знать немного больше. Его изображают «одиноким человеком», оторванным от своего окружения, агрессивным, дерзким, авторитарным. Каждый, кто имеет хоть малейшее представление о жизни Маркса, не может не согласиться, что подобный портрет не имеет ничего общего с Марксом-отцом, мужем, другом.

Мало есть на свете супружеских пар, которые бы являли собой такое совершенство, как Карл и Женни Маркс. Он, сын еврейского судьи, в юности влюбился в Женни фон Вестфален, дочь прусского дворянина, отпрыска одной из старейших шотландских семей. Когда они поженились, ей было 24 года, а он пережил ее всего на один год. Это был брак, в котором, несмотря на социальные различия, несмотря на постоянную бедность и болезни, господствовала непоколебимая любовь и обоюдное счастье. Такой брак возможен, только когда два человека обладают выдающейся способностью, уникальным даром любить и глубокой привязанностью друг к другу.

Его младшая дочь Элеонора в письме, которое написано за день до смерти матери (и за год до смерти К. Маркса), писала о том, что она никогда не забудет тот день, когда Мор (кличка Маркса) преодолел наконец свою болезнь и почувствовал себя в силах навестить свою жену. Оказавшись рядом, они оба преобразились: это были два молодых человека: любящая девушка и влюбленный юноша, вместе вступающие в жизнь (а не согнутый болезнью старик и умирающая старая женщина, которые прощаются друг с другом).

Отношение Маркса к своим детям также было лишено всякого следа высокомерия и властности, напротив, оно было полно такой же творческой любви к ним, как и к жене. Достаточно прочитать описание его прогулок с дочерьми. На прогулках Маркс рассказывал им истории, которые измерялись не в главах, а в милях. И поэтому девочки просили: «Расскажи нам еще «одну милю»». И он читал, читал наизусть всего Гомера, читал «Песнь о Нибелунгах» и «Гудрун», «Дон Кихота» и «Тысячу и одну ночь» и многое другое. «Шекспир был нашей Библией; в шесть лет я уже знала наизусть целые сцены из шекспировских трагедий», — писала Элеонора.

Дружба Маркса с Ф. Энгельсом — еще более впечатляющее явление, чем его любовь к жене и детям. Энгельс сам был человеком выдающихся человеческих и интеллектуальных качеств. Он всегда восхищался Марксовым превосходством, его одаренностью. Вся свою жизнь он посвятил творчеству Маркса и всегда спешил сделать и свой собственный вклад в общее дело. В этой дружбе никогда не было никаких трений, ни тени соперничества, напротив, ее отличала преданность, которая коренилась в такой глубокой привязанности друг к другу, какую только можно встретить в отношениях между двумя мужчинами.

Маркс был действительно творческой, независимой, неотчужденной личностью, человеком, который своими трудами и всей своей жизнью представлял образец человека нового общества. Он был человеком творческим во всем: в отношении к целому миру, к другим людям, к идеям; он сам был то, что он мыслил. Он был тем, что он придумал для будущего.

Полиглот, который ежегодно перечитывал Эсхила и Шекспира — и каждый раз на языке оригинала, — в самую трагическую пору своей жизни (во время болезни жены) окунулся в математику и изучил дифференциальные уравнения. Гуманист — до мозга костей. Для него не было ничего на свете прекраснее человека, и он выразил это чувство в часто повторяемой цитате из Гегеля: «Даже преступная мысль злодея величественнее и важнее, чем чудеса небесные». Ответы Маркса на анкету дочери Лауры раскрывают многогранность его личности: несчастьем для него была неволя; недостатком, который он более всего презирал, — низкопоклонство, подхалимство; а его любимые принципы были: 1. «Ничто человеческое мне не чуждо» и 2. «Во всем нужно сомневаться».

Почему же этого человека считают вызывающим, одиноким, авторитарным?

Абстрагируясь от клеветнических мотивов, перечислим некоторые другие основания для этих заблуждений. Во-первых, Маркс (как и Энгельс) в своих работах пользовался намеренно саркастическим стилем и при этом выступал достаточно агрессивно. Во-вторых (что еще более важно), он совершенно не умел лить елей и не терпел словоблудия, ибо во всем, что касается проблем человеческого существования, он был до предела серьезен. Он был невероятно честен и абсолютно не способен с вежливой улыбкой принимать фальшивые заверения или искаженные суждения о важных вещах. Малейшая неискренность была для него исключена — шла ли речь о личных отношениях или об идеях. Однако большинство людей предпочитает не думать о реальности и охотно обманывает себя и других по поводу фактов индивидуальной и общественной жизни. Понятно, что такие люди и впрямь должны были считать Маркса дерзким и холодным. Хотя подобная оценка скорее характеризует их самих, нежели Маркса.

Если миру суждено вернуться к традициям гуманизма и преодолеть извращения западной культуры (как в советском, так и в капиталистическом варианте), то все поймут, что Маркс не был ни фанатиком, ни оппортунистом, что он представляет самый цвет западного гуманизма: он был человеком бескомпромиссного чувства правды и проникал мыслью до самой глубокой сущности реальной жизни, он никогда не позволял себе обмануться фальшивой оболочкой; он был человеком, свободным от тщеславия и жажды власти. Это была целостная личность, озабоченная судьбами человечества и наделенная несокрушимой самоотверженностью и мужеством. Вечно начеку, вечно взволнованный, Маркс как творческая личность вливал импульс к жизни в любое дело, к которому только прикасался...

Он представляет западную философскую традицию в самых лучших ее чертах: и главная из них — это безграничная вера в разум и прогресс. Маркс является олицетворением того самого человека, о котором он мечтал, человека, который мало имеет, но много значит, а богатство его в том, что он нужен людям.

Примечания и ссылки

Перевод выполнен Э. М. Телятниковой по изданию: Fromm Erich. Das Menschenbild bei Marx. Gesamtausgabe. Bd. 5. Stuttgart, 1980–1982. Опубликовано в сборнике Э. Фромм. Душа человека. М.: «Республика», 1992, с. 375-414.

Работа Э. Фромма с названием «Марксова концепция человека» («Marx's Concept of Man») вышла в 1961 г. отдельным сборником, в который наряду со статьей Фромма вошли также ранние произведения Маркса. Эта публикация была вызвана тем, что Фромм тогда вступил в Социалистическую партию США и пытался создать для нее новую программу, ориентированную на «гуманистического» Маркса. И тут выяснилось, что в Америке периода «холодной войны» и антикоммунизма вообще не было английского перевода ранних работ Маркса (только в 1959 г. в Англии появился перевод, сделанный в Советском Союзе). Таким образом, Фромм в своем сборнике «Marx's Concept of Man» осуществил первую публикацию важнейших частей из «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и «Немецкой идеологии» (1845–1846). Перевод был сделан Т. Б. Боттомором (р. 1920), английским социологом неомарксистской ориентации, с которым Фромм был в большой дружбе. Впечатление от этой публикации в США было огромным, а Фромм стал крупнейшей фигурой для американских неомарксистов.

1. С грустью приходится констатировать факт, что это незнание и искажение Маркса в США встречается гораздо чаще, чем в какой-либо европейской стране. Следует отметить, что за последние 15 лет в Германии и Франции снова проходят весьма широкие дискуссии о Марксе, и особенно по поводу публикуемых здесь впервые «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В Германии активное участие в этой дискуссии принимают протестантские теологи. Особо хочется отметить блистательную серию Иринга Фетчера («Marxismusstudien») и великолепное Предисловие Ландгута к изданию Кренера (1971), затем — работы Лукача, Блоха, Попитца. В США в последнее время также наблюдается постепенное пробуждение интереса к Марксу. К несчастью, этот интерес нашел выражение в целой серии книг, искажающих марксизм. Примером тому являются работы Л. Шварцшильда «The Red Pression» (1948); Г. А. Оверстрита «What we must know About Communism» (1958). Зато прекрасное изложение марксизма дает нам И. Шумпетер в работе «Capitalism, Socialism and Democracy» (1962). Проблемы исторического натурализма обсуждаются у И. Беннета («Christianity and Communism Today», 1960), а также в прекрасной антологии Л. Фойера, Т. Б. Боттомора и М. Рабела (1957, 1967). В связи с Марксовым понятием «человеческой природы» я бы хотел упомянуть работу В. Венабля «Human Nature: The Marxian View» (1945), которая, правда, страдает тем, что автор не мог познакомиться с текстами «Экономическо-философских рукописей 1844 года». По поводу философских основ учения Маркса рекомендую блистательные книги Герберта Маркузе «Reason and Revolution» (1941) и «Soviet Marxism» (1958). Сам я высказал свои идеи по этому поводу в «The sane Society» и в журнальных статьях. Во Франции заслуживают внимания книга Дж. Кальвеза «La pensée de Karl Marx» (1950), а также работы А. Кожева, Ж.-П. Сартра и особенно А. Лефевра.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 19.

4. Там же. С. 1.

5. «В то время как классический капиталист клеймит индивидуальное потребление как грех против своей функции и как «воздержание» от накопления, модернизированный капиталист уже в состоянии рассматривать накопление как «отречение» от потребления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 607).

6. См. исследование Леонарда Кригера (1920), который пишет, что для Маркса подлинной субстанцией истории является человеческая деятельность на всех уровнях: в способе производства, в общественных отношениях и прочих сферах бытия.

Хотя Маркс видит многообразие и сложность исторического процесса, он с поразительной тонкостью улавливает главную этическую и рациональную линию развития и прослеживает ее сквозь века.

7. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 128-145.

8. Там же. Т. 3. С. 19.

9. Там же. Т. 23. С. 383.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 89-90.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-8.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 24-25.

13. См. также мою работу «Zsen-Buddismus and Psychoanalysis» (1960), а также рассуждение Маркса о роли языка: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание органической связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29).

14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2.

15. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 128-145.

16. Там же. С. 128-129.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 126-127.

18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 150-151.

19. Там же. С. 122.

20. Там же.

21. Я могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку.

22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 120-121.

23. Там же. С. 116.
24. Там же. С. 125.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 120.
26. Там же. С. 131-132.
27. Там же. С. 125.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 188-189.
29. См. там же. Т. 42. С. 98.
30. На связь отчуждения с поклонением кумирам указывал Пауль Тиллих в работе «Человек в христианстве и в марксизме» (Дюссельдорф, 1953. С. 14), где он подчеркивал, что смысл понятия «отчуждение» встречается еще у Августина. К. Левит в работе «От Гегеля до Ницше» (Франкфурт, 1969) аргументированно доказал, что Маркс выступает не против богов, а против идолов (кумиров).
31. Это похоже на психологию фанатика. Он сам пуст и подавлен, но, чтобы преодолеть состояние депрессии, выбирает себе кумира, будь то государство, партия, идея, Бог или церковь. Он абсолютизирует этого идола и абсолютно ему подчиняется. В этом фанатик находит смысл жизни и душевный подъем, причем не творческий, а холодный, рассудочный.
32. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 88.
33. Там же. С. 91.
34. Там же. С. 94.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 94.
36. Там же. С. 98.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 88.
38. Там же. С. 97.
39. Там же. С. 94.
40. Непременное условие (лат.).
41. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 128-129.
42. Ср.: «Продукт этого производства есть товар, обладающий сознанием и самостоятельной деятельностью... человек-товар...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 101).
43. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 131.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 42. С. 134.
45. Там же. С. 101.
46. Tillich P. Protestantische Vision. Stuttgart, 1952. S. 6.

47. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 386-387.
48. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 150-151.
49. См. блистательную работу И. Фетчера «Марксизм в зеркале французской философии» (1954).
50. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 33.
51. Там же. Т. 42. С. 96.

Конец текста